

Случилось это не в столь далёкие девятые десятилетия прошлого века, когда огромная могучая страна с гордым названием «Советский Союз» вдруг развалилась и в души людей вползла непонятная сумятица — а что же дальше, как теперь жить?.. Сумятица закралась, хотя не только по этой причине, и в душу Анны Сергеевны, пожилой актрисы, тревожно размышлявшей о своём дальнейшем житье-бытье. А как же иначе, если тебе перевалило за шестьдесят, а сыну — за сорок! Куда податься постаревшей Тане из одноимённой пьесы Арбузова? Куда бежать от явного и тайного одиночества? Ты среди людей, все тебя знают, останавливают на улице, а по-настоящему — разве кому-то нужна? Вот и уцепилась за глупую ситуацию: увидела, как сын Мишка на экране компьютера перебирает портреты девушек. Порадовалась — наконец-то сын заинтересовался невестами, а то холостяком и состарится. Тут и ударила шальная мысль: а может быть, там, на сайте знакомств, прячется и её половинка?.. Ну, пусть чуточку постарше, зато с доброй, ласковой душой... Она спросила у Мишки напрямки с гордой улыбкой: «А нет ли для меня подходящего старичка?» Мишка мгновенно вскочил: «Сколько угодно! Всех сословий и стран!» Заставил маму сесть перед экраном и покрутить указательным пальцем колёсико. Стала Анна Сергеевна, как в сказке крутить колёсико — и накрутила! Понравился ей симпатичный седой немец — да, немец из Вены! Вена заинтриговала больше всего — её отец, Сергей Иванович Иванов, за Вену сражался и чуть было не погиб, но выжил, с тяжкими ранениями вернулся и ещё несколько лет пожил. Анна Сергеевна когда-то в школе учила немецкий, но язык совсем забыла, пришлось обратиться в Агентство переводчиков; с помощью молоденькой девчушки, которую направили ей в помощь, написала коротенькое письмо, в основном о себе. Курт, как звали симпатягу, сразу отозвался. Оказывается, он из семьи военных, давно мечтал серьёзно познакомиться с русской женщиной... Началась переписка. На третьем письме Курт пригласил Анну приехать в гости. Приехать сразу, не откладывая!.. Что может быть лучше! Но неожиданно взбрыкнулась переводчица — она стала высмеивать ошибки в письмах Курта и громко возмущаться: какая безграмотность! Разве такой человек может быть хорошим?.. Анна Сергеевна резко возразила: «Не вам об этом судить! Вы же человека не знаете!» Девчонка извинилась, возникшая неловкость оставалась, но переписка была продолжена.

Желание лучшей жизни разгоралось; всё ярче, по-молодому, рисовались картины встречи, объятий, глаза в глаза честного понимания друг

друга, настоящей человеческой радости. Навероятно, но Мишка, а как неприкаянно одинокий, вёл себя как настоящий сват, и как тут откатиться от такого неожиданного везения, от поездки в легендарную Вену, в которую, сам того не ведая, привёл Сергей Иванович, её героический отец! Анна Сергеевна побывала на его могиле, разложила на холодной мраморной плите пылающие розы, поделилась реально осуществимыми мечтами. Отец молча проводил её в далёкий путь. В установленные сроки был получен загранпаспорт и куплен беспересадочный, через Москву, билет. В вагон она поднималась, как королева, в сопровождении пажа — сияющего Мишки. Когда-то она пела ему: «Мишка, Мишка, где твоя улыбка!» Теперь в этом необходимости нет, улыбка бежит впереди сына. А когда поезд мягко покотил по рельсам, и она прошла на своё место, опять и опять ощутила, как ей необыкновенно везёт. Она оказалась в одном купе, за одним столиком с добрейшим человеком, почти ровесницей, пенсионеркой, бывшей жительницей Саратова. Соседка назвала себя Эммой, попросила называть без отчества. Анна Сергеевна тоже назвалась одним именем, на том с удовольствием и сошлись. Эмма возвращается от подруги домой, в Вену, к любимому супругу, с которым сошлась недавно, по переписке. Анна Сергеевна только дивилась — как похоже складываются судьбы!.. Потянулись рассказы, заинтересованные вопросы, женщины делились не только конфетами и печеньем, но и тайными мыслями, радостью и обидой... Эмма когда-то работала в строительной организации главным бухгалтером, была замужем, но пришлось пьяницу бросить; был ещё один, но тоже непутёвый... А дочка только недавно обрела пару — её молодой муж, кажется (тьфу, тьфу!), надёжный, достойный человек... Анна Сергеевна раскрылась навстречу тёплой искренности, как утренний цветок — она никогда и никому так много и откровенно о себе не рассказывала, даже своему несостоявшемуся мужу, отцу Мишки, в пору их самой тесной близости. Посетовала: её сын Мишка («Да, да, он меня провожал!») слишком привередлив, девушек избегает, и что тут делать, она не знает. А ведь Мишка хороший парень, домовитый — и вкусно готовить может, и если надо, возьмётся постирать... Чем увлекается? Собирает марки и монеты. Анна Сергеевна когда-то думала, что сын пойдёт по её стопам, будет актёром. Ведь он всё своё мальшовское детство провёл за кулисами («Брала с собой на спектакли»), но Мишка ещё мальчиком заявил: он не будет играть ни на сцене, ни в жизни, этим притворам он не верит! Анна Сергеевна пыталась разубедить — не все же актёры плохие люди, а Мишка в ответ: «Таким, как мой отец, никогда не буду!» Эмме Анна Сергеевна пояснила: «Отец Мишки — актёр, была любовь, да сплыла... Попользовался моей слабостью — и до свидания!» Женщины решили: тема нехорошая, давайте о чём-то другом... А о чём — о другом?

Анна Сергеевна, полюбовавшись из окна берёзовой рощицей на ярко-зелёном взгорке, вдруг вспомнила, как пыталась вытащить больного отца за город на прогулку — совсем залежался, надо как-то расшевелить, заставить двигаться... Нет, не удалось! Отец вернулся в сорок шестом после долгого лечения в госпитале, скрытые раны не успокаивались, из тела выходили блуждающие осколки. Бедная мама совсем измучилась — ведь она учительница, нужно и в школе быть, и к урокам готовиться... Она и мама прошли через всю блокаду, старший брат Петя погуб в сорок втором... Анна Сергеевна, как могла, помогала маме, стирала бинты, простыни, одежду. Ноей и на репетиции надо, и на учёбу — она только начинала свою актёрскую жизнь... Так и обходились. Нет, нет, она не хочет о неприятном, наоборот. Самой радостной, самой спасительной оказалась пластинка «Прекрасный голубой Дунай!» Отцу в госпитале подарили патефон и десяток пластинок. Тяжёлую для него ношу он каким-то чудом привёз домой и без конца ставил эту пластинку. Были и другие — «Бак пробит, хвост горит, и машина летит на честном слове и на одном крыле...» Или — «Хорошо в степи скакать,

свежим воздухом дышать...» Но голубой Дунай был на первом месте. Анна Сергеевна по просьбе отца частенько крутила ручку и подтачивала иголки. Нежная раздольная мелодия знаменитого вальса засела в памяти навсегда... Эмма оживилась. О, голубой Дунай! Кто не видел его простора, тот не знает об Австрии ничего! А Вена — её соборы, дворцы, музеи! Без них обеднеет наш мир! А Венский лес! Есть ли ещё такой на земле?.. Эмма изумилась, услышав от Анны Сергеевны невероятное: оказывается, Венский лес привёл её в театр, превратил в актрису! Когда увидела музыкальный американский фильм «Большой вальс», она влюбилась в его главных исполнителей — Милицу Корьюс и Фернана Гравея была сама не своя от прекрасной, живительной музыки... Эмма, извинившись, призналась, что ей приятно познакомиться с актрисой, настоящим творческим человеком, она тоже, пусть в другом виде искусства, кое-что может — Анна Сергеевна обязательно придёт к ней в гости и увидит рукодельные работы: художественную вышивку гладью и крестом... Картины развешаны по всей квартире, самые лучшие побывали на выставках...

Поезд всё дальше уходил в Европу, но время как будто остановилось. Женщины откровенно говорили и радовались: это великое счастье — так неожиданно и так горячо подружиться!.. И всё же пейзажи за окном, в конце концов, отмелькали, приятные разговоры тоже отзвучали, пассажирский экспресс прикатил на Южный вокзал. Женщины обменялись адресами, а Эмма потребовала: «Завтра же, без отговорок, жду у себя!» Анна Сергеевна пообещала, и подруги (именно так!) направились к выходу. Услужливый проводник помог перенести на перрон тяжёлую сумку, в руках осталась сумочка-косметичка и миниатюрный разговорник. Рядом объявился носильщик с тележкой, и Эмма решительно распорядилась: «Давай, Анюта, грузи! Пусть везёт на хранение, я заплачу». Как ни отказывалась Анна Сергеевна, Эмма заплатила не только за камеру хранения, но и за конную коляску, которая по её знаку подкатила к выходу в город. «Не возражай! Сначала посмотришь Дунай, потом выйдешь у памятника Героям Советской Армии. А потом, — Эмма по-своейски подмигнула, — к твоему возлюбленному!» Кучер (ну как его назвать? Ямщик? Возничий? Извозчик? Пусть будет — кучер!) совсем не похож на симпатичного усача из «Большого вальса», — в цветастой куртке, жокейском, с большим козырьком, головном уборе; он услужливо кивнул, поблагодарил Эмму за щедрую плату, что-то ещё говорил по-немецки, Анна Сергеевна понимала не всё. Лошадь бодро зацокала копытами, двинулись в путь. Потянулись дома, кудрявые скверики, замелькали люди. Ничего необычного, здесь как везде... Дунай открылся как-то неожиданно, сразу. Потянуло прохладной сыростью, засквозил лёгкий, едва ощутимый ветерок. Анна Сергеевна присмотрелась: волны лёгкие, вода прозрачная, живая, естественно и живописно отражает силуэт города... Не спеша проходит многопалубное пассажирское судно, здесь и там, ближе к берегу, разбросаны судёнышки рыбаков... Анна Сергеевна восторженно произнесла по-русски: «Прекрасный голубой Дунай!» Кучер обернулся и по-немецки подтвердил: «Да, да, прекрасный!» Вскоре уткнулись в многоэтажные строения, и коляска повернула в город.

Остановились недалеко от памятника Героям Советской Армии. Анна Сергеевна как будто обрела второе дыхание, неторопливо ступила на тротуар рядом с обширным цветником с красными и белыми тюльпанами. Белые она видела впервые, это было, пожалуй, единственное лёгкое удивление. Перед величественной колоннадой, вызывая в душе радость и восхищение, шумно бил в голубую высь мощный фонтан. Анна Сергеевна прошла вдоль цветника и в недоумении остановилась: фонтан окружён чёрными глыбами крупных камней, напоминающих человеческие обугленные тела... Да, именно так, согласилась Анна Сергеевна, была жестокая война, и здесь погибли тысячи людей... Но разглядывать мёртвые камни не хотелось, всё внимание теперь постаменту, на кото-

ром гордо стоит советский солдат в золотой сверкающей каске, с автоматом на груди... Анна Сергеевна пригляделась и ахнула: на постаменте не просто безымянный солдат, а её отец — Сергей Иванович Иванов! Его лицо, его обычное выражение! Фантастическая схожесть нарисовала в памяти картинку послевоенной жизни... Отец лежит, а дочка крутит ручку патефона... Звучит вальс... Отец внимательно слушает, глаза устремлены в неведомую даль, губы в такт мелодии приоткрываются, он тихо поёт... Но лирику отбрасывает другое воспоминание: отец рассказывает, как трудно воевали за Вену, как яростно огрызались огнём каждая улица, каждый дом... Нервы не выдерживали! Ворвавшись однажды в нормальную с виду комнату, он ошалел от безумного количества свастики и крестов, которые, как злые ядовитые пауки, расплозились по всей мебели и даже по стенам... Он не выдержал, нажал на гашетку и стал с откровенной ненавистью эту нечисть расстреливать... Его остановили: не пауков нужно давить, а фашистов!.. Злобные пауки и отомстили: не сумел Сергей Иванович увернуться от коварной гранаты. Когда кусочки металла выходили, он так сжимал губы, что на лице оставалась одна извивающаяся щель... Жутко! Так жутко, что даже слова Сталина на постаменте не могли Анну Сергеевну успокоить: «Отныне над Европой будет развеяться великое знамя свободы...» Да, знамя развеивается, но разве от этого легче?.. Потери войны не перестают теревить душу...

Петька, старший брат Анны Сергеевны, тоже погиб за свободу где-то в боях за Доном... Это и Сергею Ивановичу, и его сыну Петьке посвящены стихи, начертанные на пятиграннике золотом:

*Гвардейцы, вы честно служили Отчизне,
От стен Сталинграда вы к Вене пришли.
Для счастья народа вы отдали жизни
Вдали от родимой советской земли.*

От Петьки сохранилось несколько писем, в одном были стихи. Анна Сергеевна их помнит, и сейчас, возле памятника, вполне уместно их прочесть:

*Глазам доверчивым не верьте –
Мир настоящий не такой:
Тела, обугленные смертью,
Безумный, неестественный покой...*

Наверное, не совсем кстати, но даже вспомнились тогдашние, молодые размышления по поводу слова «неестественный». Разве не выбивается слово из ритма, утверждая: покоя нет! Обугленные тела — это до ужаса неестественно...

Анна Сергеевна медленными шажками обошла солдата в золотой каске, так похожего на отца, перекрестилась и трижды перекрестила всё великолепие вокруг — вечно живите и будите в людях добро и дружелюбие!.. Но пришло время поторопиться. Она вернулась к коляске, кучер обрадовано кинулся навстречу, помог подняться, и коляска отправилась по адресу, заранее написанному на листке. Пока стучали копыта и легонько поскрипывали колёса, Анна Сергеевна собиралась мыслями для наименее важного в её жизни свидания... Коляска, наконец, остановилась. Кучер что-то весело воскликнул, было понятно — приехали! Анна Сергеевна разволновалась, достала из косметички разговорник, нашла нужное и попросила по-немецки: «Пожалуйста, подождите!» Это на всякий случай, мало ли что, вдруг хозяина не окажется на месте... Кучер понимающе закивал, и Анна Сергеевна, затаив дыхание, подошла к долгожданному дому. Решительно позвонила, и в проёме распахнувшейся двери возник Курт! Он оказался мало похожим на красавчика из интернетного фото — лицо неприятно серое, шишковатое, сияли одни голубоватые глаза... Вместо привлекательной седины — редкие пряди на затылке... Видно, тот портрет отражал более молодой возраст...

Анна Сергеевна с трудом выдохнула приветствие по-немецки — добрый день! Радостный Курт, обнажив безукоризненно белоснежные зубы, стал говорить что-то хорошее, пригласил войти. Отчётливо и понятно звучало — Анна, Анна! Вслед за грузным стариком она неуверенно прошла в коридор, а затем в комнату. Курт продолжал восторженно говорить, но она как будто оглохла — не слышала и ничего не понимала... Раздался мелодичный дверной звонок — кто-то так некстати пришёл! Курт поморщился, извинился, попросил подождать и вернулся в коридор. Анна Сергеевна огляделась и чуть не упала: такого количества оружия, наград с крестами и свастикой она никогда не видела! Свастика везде — на знамёнах, кинжалах, коробках и коробочках, на тумбочках, на полках даже на стене! Не в таком ли помещении побывал много лет назад Сергей Иванович Иванов?! Анна Сергеевна толкнула дверь в соседнюю комнату — из неё вырвался резкий холод с густым паром... Глазам не поверить — крупнейший холодильник!.. Висят стройным рядком говяжьё и свиные туши... Вернулся обеспокоенный Курт, вытаращил глаза. Анна Сергеевна осмелела, спросила по-русски: «Для чего это?» Курт рассмеялся и произнёс слово, которое Анна Сергеевна знала — Krieg-ВОЙНА! Она раздражённо произнесла по-русски «Спасибо!» и мимо Курта кинулась к выходу. «Анна! Анна!» — кричал он вслед, но Анна Сергеевна не оборачивалась. Коляска, слава Богу, не уехала; кучер понял ситуацию, услышала требовательное «Зюдбанкоф!» (Южный вокзал) и поторопил лошадь...

Как добиралась домой, Анна Сергеевна осознавала смутно, путалась с разговорником, долго искала камеру хранения, чтобы забрать сумку, никак не могла найти кассу и свой вагон... Пришла в себя, когда поднялась на свой, четвёртый этаж и открыла своим же ключом дверь. Мишки дома не было, это и хорошо, расспросы сейчас излишни, да и нужно привести себя в порядок, обдумать случившееся... Зеркало немного расстроило, хотя могло бы и удивить, и утешить, когда она в портретном овале увидела не себя, а маму — мамино родное лицо, в те дни, когда умирал папа. И без того измученная недавней блокадой, от которой уже никогда не оправиться (да ещё незаживающая рана — страшная весть о гибели Петьки), возле постели мужа мама почти не спала... Выходили осколки — удачно, это была единственная радость, но однажды осколок не вышел — папа закрыл глаза навеки, навсегда... Да, и такое может рассказать зеркало!.. Анна Сергеевна нахмурилась — не очень-то хорошо, всё же в зеркале не мама, а она, по-домашнему Аннушка, с припухшими веками и погасшими глазами... Мишка, увидев такую маму, расстроится, а этого допустить нельзя... Но Мишка совсем не расстроился, а войдя, сходу бросился обнимать. Он даже не удивился её быстрому возвращению, а кажется, наоборот — обрадовался! И почти шёпотом сообщил: «Я, мамочка, нашёл сокровище! Симпатичная, добрая, умная... Тебе понравится!» — «Симпатичная?.. Добрая?..» — «Вечером придёт, сама увидишь». — «Хорошо, сынок, рада за тебя... А я пойду полежу... С дороги устала...»

Анна Сергеевна прилегла на диван, подложила под голову расшитую думку, закрыла глаза. Мишка забеспокоился, принёс большую пуховую подушку и байковое одеяло, бережно маму укрыл. Не открывая глаз, Анна Сергеевна спросила, поливал ли Мишка цветы? Когда она уезжала, герань в лоджии начала цвести... «А как же! Твоя герань буквально разбушевалась!» — «Это замечательно!» Она представила, как её любимый цветок, вспоминая Сергея Ивановича (он тоже его любил и поливал, когда был в состоянии подняться), разлетелся яркими цветными осколками по всей комнате, и один из них, самый крупный, закружился над головой... Вот он причудливо устремился в прошлое, высветил её любимую Арбузовскую Таню и рядом — старшего брата Петьку... Цветок-осколок вернулся в светящуюся огоньками комнату и вдруг устремился в самое-самое сердце... Анне Сергеевне почудилось — Мишка завёл старый патефон, и зазвучала до боли знакомая музыка, заплескался у ног голубой Дунай...

ПОЭТУ – ВОИНУ

К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

*Стихотворение написано в годы моего близкого общения и большой дружбы
с поэтом Святославом Фёдоровичем Павловым (1924 — 2005).*

*Герой-фронтовик похоронен на Центральном кладбище г. Владимира.
Светлана Святославовна, дочь поэта, на мраморном надгробие начертала
две последние строчки из этого стихотворения.*

Автор

*Будто брошен тюльпан на снег,
Будто зов не находит ответа...
Милый мой, золотой человек,
Беспокойное сердце поэта!..*

*Об ином я сейчас помолчу,
Дань моя — неожиданной теме:
Вместе с Вами я вспомнить хочу
Сорок первый — далёкое время!..*

*В ясный день ворвалась беда,
Гибель славили вражки пушки,
Жгли фашисты сады, города,
А меня занимали игрушки.*

*Я не знал, что сердца во мгле,
Что безрадостен вечер летний.
Что средь тысяч людей на земле
Парень жил восемнадцатилетний.*

*И пока я беспечно водил
Оловянных солдат в наступленье,
Он в такие атаки ходил –
Жив останешься — просто везенье!..*

*Свирепел разъярённый враг
В тех боях в ледяную стужу,
Таял снег от огня атак,
И кипели под гильзами лужи.*

*И недаром в застойном дыму
В час затишья в окопах за Доном
Карандаш стал казаться ему
Не отстрелянным вечным патроном.*

*Карандаш!.. Как тогда он спешил
Гнев излить на блокнотной странице!..
...Бой последний... Ранение... Тыл.
И на долгие дни больница.*

*Нестерпимо бывало порой,
Но гасил он безволия вспышку:
Хватит хныкать! Берись за перо!
В наступлениях нет передышки!..*

*Это подвиг. Он славен вовек!
Вам спасибо за всё за это!..
Милый мой, золотой человек,
Беспокойное сердце поэта!..*